

Глава 166: Господь Нин здесь (1)

Переводчик: Антония

Фэн Ючэнь был неплохим человеком. Его предыдущая манера толкания была только из-за его глубоких эмоций. В конце концов, он не сделал ничего плохого.

Мо Цяньсюэ вошел во входную дверь и мягко назвал его "кузиной". Она не знала, как это сказать, чтобы он мог двигаться дальше.

"Сюэ..." Фэн Ючэнь повернулся и посмотрел на нее, его глаза все еще глубокие и печальные, но не взволнованные и не сумасшедшие, как раньше. Он спокойно сказал: "Твоя травма все еще болит?"

Он не стал винить ее за то, что она держала его подальше от двери, и не жаловался, что она больше не заботится о нем. В его глазах была только любовь и забота.

Мо Цяньсюй нашел ее горло удушливым.

Клэри не боялась его жесткого отношения, но боялась, что он с любовью посмотрит на нее. Она вспомнила, как впервые встретила его в душ персикового цветка. Его фигура была прямо как сосна, гордая, как утреннее солнце. Под его бровями, похожими на лезвие, стояли звездные глаза, которые с волнением смотрели на нее...

Человеческое сердце должно быть мягким! Столкнувшись с такой глубокой любовью, даже если она не любила его, она не хотела причинить ему боль.

Кроме того, нежные глаза всегда напоминали ей сцену, которую она видела во сне Сюэ. Они двое любили друг друга, он играл на мече, в то время как она вытирает пот для него, обычный, но любящий.

Теплый снимок сделал ее настолько грустной, что она не могла вынести, чтобы взглянуть на печаль, вытекающую из этих глаз.

Она предпочла бы, чтобы он допрашивал ее, войдя в дверь, чтобы она могла следовать его гнев и испортить отношения. В любом случае, Нин Шаоцин обещал заплатить ему дважды. В будущем они могли бы больше заботиться о семье Фэн. Отношения двоюродного брата были слишком сложными.

Как она могла сказать это под такими приветствиями и глазами?

Тем не менее, лучше покончить с этим побыстрее!

Мо Цяньсю отвернулся и не смотрел на него, а смотрел на старинную вазу в вестибюле. Только так она могла сказать резкие слова.

"Кузен, ты же знаешь, что я замужем. Хотя по какой-то причине Шаоцин не может сейчас провести свадьбу, я подожду, пока он не сможет. Если ты сможешь забыть прошлое, я все равно буду считать тебя семьей. Или..."

Мо Цяньсю слегка сузила глаза. Ей было трудно продолжать.

Сердце Фэн Ючэня опустилось на дно. Он был задержан чем-то и не отправил ее в тот день. Он опоздал всего на полгода, и они стали совершенно незнакомыми!

Однако, кого он мог винить? В прошлый раз, когда она спасла его от меча, он поклялся: он хотел ее! Но только тогда, когда она была готова. Он не стал бы принуждать или причинять ей боль...

До того, как Мо Цяньсю почувствовал себя в тупике, Фэн Ючэнь спрятал свое нежелание и улыбнулся: "Конечно, я твоя семья..."

Просто будь ее братом! Иначе казалось, что они даже не могут быть родственниками.

Когда большой камень на ее сердце был поднят, Мо Цяньсюэ ярко улыбнулась: "Спасибо!". Ее тон был легким и искренним. Должно быть, это был хороший день, когда она завершила две важные вещи.

Ее благодарность наполнила глаза Фэн Ючэня еще одним следом одиночества, но это также успокоило его.

Он ничего не сказал, но улыбнулся: "Время пришло". Разве ты не хочешь, чтобы я остался на ужин?"

Мо Цяньсю сразу понял, почему он приходил в этот момент каждый раз. Он хотел освободиться!

Раз уж они всё прояснили, ужин с ним не имеет значения. Мо Цяньсю усмехнулся: "Тогда, кузен, пожалуйста, останься, чтобы поужинать..."

Во время еды Мо Цяньсю не знала, что сказать, потому что мало что знала о нем. Она просто молчала. Неудивительно, что благородные люди молчали во время еды, поэтому Фэн Ючэнь не находила это неловким и рассказывала ей много интересного, когда она была маленькой. Он также несколько раз выбирал для неё посуду.

Она взяла его и поблагодарила. Все казалось гармоничным.

Они закончили ужин вот так. Ещё не рано, а Фэн Юхэнь попрощался и ушёл.

После этого, когда Мо Цяньсюэ вернулась к своему Снегу, небо уже потемнело.

Она просто вошла во двор и обнаружила, что дверь её комнаты была закрыта, а Шиву снаружи охраняли странным взглядом.

Когда Мо Цяньсюэ подошла, Шиву прошептал: "Госпожа, господин Нин здесь... Кажется, он недоволен...".

Нин Шаоцин был здесь... Мо Цяньсюэ успокоился и ничего не показал, но няня Мо нахмурилась и сказала себе: о нет! Он, должно быть, видел фотографию на столе...

Мо Цяньсюэ была законной дочерью поместья Основателя, поэтому, нравилось ей это или нет, но когда она выходила, вокруг неё шли слуги. Поэтому перед отъездом она взяла с собой няню Мо, Чуйи, двух нянь, Чжилия и Чжицяо, огромную группу людей. Слуги, которые охраняли ворота двора, всегда были двумя сестрами, в то время как внутри двора были Чжихэ и Чжичжу.

Няня Мо пристально следила за Мо Цяньсюэ. Она была артисткой боевых искусств, обладала острым слухом и была умна. Услышав слово Нин, она быстро сказала, что госпожа хочет принять ванну после этого утомительного дня, и попросила Чжилинга и Чжицяо пойти на кухню, чтобы посмотреть, готова ли теплая вода.

Чжилинг и Чжицяо ушли. Мо Цяньсюэ заглянул во двор. Комната в крыле сбоку была освещена тусклым светом. Во дворе был только Шиву. Мо Цяньсюэ прошептал: "Где остальные?"

Чем меньше слуг знают об отношениях между ней и Нин Шаоцин, тем лучше.

Шиву с гордостью ответил: "Я использовал предлог, что дама будет носить светло-голубое платье, чтобы посетить завтрашнюю вечеринку в честь цветения персика, и пусть Чжихэ и Чжичжу вышивают на нем больше персиковых цветов". Теперь они находятся в вышивальной комнате, чтобы сделать работу".

Мо Цяньсюэ напевал "да" и толкнул дверь. Комната не была освещена и немного дорогая.

Она вошла в комнату и обнаружила его в прохладном состоянии ранней летней ночью. Она даже не могла не обнять себя, чтобы отгородиться от горького холода.

В ее комнате было три секции. У входа находилась гостиная для приема друзей и проведения досуга. Посередине стоял деревянный вагончик, на котором стоял маленький чайный столик.

Слева от гостиной, отделенной шелковой ширмой, находился небольшой кабинет. Справа, разделенная настенной полкой, находилась ее спальня.

В тусклом свете Нин Шаоцин сидела за столом. Даже через шелковую ширму его нежное, красивое лицо попадало ей прямо в глаза.

В тени на нем не было ни капли нежности. Его губы сильно сжались. Темные глаза на кормовом лице выстрелили кипящей яростью.

Няня Мо немного волновалась и пошла за ней в комнату. Потом она зажгла свечу в гостиной и спальне, но не осмелилась сделать то же самое в кабинете. Ненадолго задержавшись и взглянув на Нин Шаоцина, а затем на даму, она вздохнула, вышла и закрыла дверь.

Увы! Картина была странной, но хорошо изображала выражение Су Ци, что означало, что она может быть завершена без тщательного наблюдения.

Вполне логично, что господин Нин сошел с ума!

Увидев, что Нин Шаоцин не разговаривал, Мо Цяньсюэ также носил холодное лицо. Поскольку она была ранена, он не приходил к ней столько дней и не посылал ей никаких сообщений. Теперь он вдруг появился с таким лицом без всякой причины?

Она еще не вышла за него замуж, и он так с ней обращался. Если бы они действительно провели свадьбу, он бы наказал ее встать на колени в зале предков за банальную ошибку? Невозможно выработать дурную привычку!

Думая об этом, Мо Цяньсюэ не подошла к кабинету, а вместо этого села на диван, налила себе чашку чая, слегка нахмурившись, но неся с собой маленькую улыбку: "Не совсем темно". Почему господин Шаоцин так свободен, чтобы навестить меня?"

Это был отстраненный адресный термин!

Очевидно, Нин Шаоцин не ожидал этого услышать. В ярости, его глаза мерцали от хитрости, он улыбался и дразнил: "Если совсем темно, как я могу оценить прекрасную работу моей жены?".

<http://tl.rulate.ru/book/14777/1016813>